

РИЖСКОГО МОЛОДЕЖНОГО НЕ СТАНЕТ?

Комментарий к приказу № К-117

Министерство культуры Латвийской Республики

О реорганизации Молодежного театра

14 апреля 1992 года

В связи с неудовлетворительной творческой и хозяйственной деятельностью Молодежного театра в 1991 и 1992 годах приказываю:

1. Объявить с 21 июня 1992 года реорганизацию Молодежного театра. Разделить Молодежный театр на два самостоятельных театра, разделен соответствующим государственным договором.
2. Создать инвентаризационную комиссию для учета и раздела материально-технической ценности между двумя театрами до 20 июня 1992 года.
3. Объявить конкурс на штатные единицы актеров в обоих театрах с 21 июня по 1 августа 1992 года.

4. Объявить конкурс на замещение вакантных должностей художественных руководителей и директоров с 21 июня по 1 августа 1992 года.

5. Поручить вновь назначенным художественным руководителям укомплектовать художественный персонал и актерские ансамбли до 1 сентября 1992 года.

6. Поручить вновь назначенным директорам укомплектовать управленческий и технический персонал до 15 сентября 1992 года.

7. Существующей русской труппе Молодежного театра после окончания сезона 1991/92 года быть готовой освободить здание по ул. Лачплеша, 37, законному владельцу — Латвийскому обществу балтийских общин.

8. Поручить Н. Ямаус и С. Мейеронцу до 20 мая 1992 года предложить альтернативные варианты помещения по ул. Лачплеша, 37.

Министр

Р. ПАУЛС

Татьяна
Шах-Азизова

Конфликт

ТРЕВОЖНЫЕ вести из Риги идут уже год. То родилась «в верхах» идея слияния Русского драматического театра с русской же труппой Молодежного. То этой молодеческой труппе угрожала бездомность — здание, где она играет, по нынешним латвийским законам должно быть возвращено прежним владельцам. Затем пропал слух, поначалу показавшийся диким, о ликвидации Молодежного театра как такового, с обилием его труппами, латышской и русской. К абсурду нашей жизни давно бы пора привыкнуть, но необъяснимо все еще вызывает оторопь, шок и робкую надежду: не может быть. Оказывается, может.

Читаю приказ о «реорганизации» (фактического уничтожении) театра с полувековой богатой историей, знаменитого не только в своем трупповом ряду и не только в Риге, хотя он и стал ее неотъемлемой принадлежностью. Театра с двумя труппами, зрелыми и молодыми мастерами, которые могут вскоре очутиться на улице; с обширным репертуаром, где с разной серьезностью и любовью ставят классику и классику, ибо привыкли с уважением и интересом относиться к каждому зрителю, как бы он ни был мал. Многие поколения рижан прошли здесь школу всесторонней культуры, где все имело значение: и выбор пьесы, и стиль постановки, и стиль актерского поведения.

Рижскому театру, unlike Молодежному театру Латвии, равно как и его руководителю А. Шапиро, работающему здесь в общей сложности 30 лет, присущи нескрываемая интеллигентность и чувство собственного достоинства, что создавало постоянные трудности в отношениях с властью. Театр не выступал в открытой политической оппозиции — напротив, держался почвой искусства, — но независимость для властей бывала опаснее вмешательства. Другое дело, как они реагируют, переводят ли опасения в действия. Здесь существуют две модели, одна — для тоталитарного, другая — для демократического государства. В первом случае неудобное и неприятное, будь то театр, газета или оппозиция любого рода, искореняют; во втором — считаются с ним как с реальностью.

Рижский тиз знал разные времена. В середине 70-х над ним сгустились тучи: спектакль Шапиро по чеховскому «Иванову» вызвал неудовольствие латвийской официальной критики и на протяжении нескольких лет подвергался массированной ата-

ке из Центра. На театр постоянно давили, требуя сдать спектакль. Коллектива не мог выехать на гастроли в Москву или соседний Таллинн, не говоря уже о заграничье. Упоминать в центральных печати «Иванова» без соответствующих браних слов оказывалось невозможно. Уже стоял вопрос о снятии директором с главного режиссера: дело явно шло к закрытию театра. Однако этого не случилось, и не только потому, что так дружно, стойко, красиво держалась вся коллекция — сплотилась, встан на защиту театра, латвийская интеллигенция. Актеры, режиссеры, писатели, художники, представители разных творческих слоев провели «круглый стол», где недвусмысленно дали понять, что под предлогом запрета сплывающая идет процесс уничтожения одного из лучших театров Латвии, совершается оскорбление ее культуры. «Наверху», видимо, поняли, что дело приняло слишком крутой оборот. Спектакль спасти не удалось, но театр выстоял. Ему помогли выстоять, потому что все было вместе — о, эта смелость, единое сердце времен застоя!

Что было в основе его — национальное чувство, готовность к оппозиции Центру? Думается, не только это и уж не в тех воспитанных проявлениях, что повсеместны сейчас. Театр, вбирающий в себя «сливки» латвийской драматургии, европейской по складу своему, был (и остается) нормальным, рижским, латвийским — по своему содержанию, всемерному теплоте, по своей природе театральности. Латвийская культура, при ее неброском, но театром самоощущении, подлинно отличающаяся отсутствием мелких национальных амбиций, открытостью для иных культур, чувством солидарности с художниками любого корня. Недаром Русский драматический театр в Риге под руководством А. Каца своим богатым репертуаром вызывая острую зависть у многих российских коллег; недаром в этом театре нашлось место примет ослепительный в ту пору режиссер из Москвы М. Розовский. Где теперь Кац? В Москве...

Но уйдет от больших национальных вопросов, тем более что они в не объяснены в тексте приказа. Форсированно здесь грозная, жесткая: «В связи с неудовлетворительной творческой и хозяйственной работой». Второго вестись не буду, так как я понимаю, о чем идет речь: разговор о главном — о творчестве.

В наши дни не редкость, когда искусство трещит под напором ступного времени, разрушается, уходит в себя. Это, конечно, не повод для того, чтобы одним махом расправиться с переживающим кризис театром (равно как назвать человека за одно то, что он заболел). Не позволю себе усомниться в сачом наличии кризиса — фан-

ты и собственные мои впечатления говорят о другом.

Годы перестройки были легкими для Молодежного театра, что естественно для частного, не силового и конъюнктурным решением коллектива. Работа шла своим чередом, хотя была известная спад энергии, позиция выжидания, но вскоре театр, не топясь, не изменяя себе, стал выбирать активность. Что же теперь? Молодежный театр Латвии начала 90-х годов — это философская фантастика пьес В. Набокова («Изобретение вальса») и М. Бродского («Демократия»), впервые поставленные именно здесь, — унылые, яркие, острые спектакли, где мастера русской труппы действуют в трудном жанре психологического гротеска. Это «Гадкий утенок» Андерсена («Датская история»), сыгранный в обмундировке. Для малышей, но и не только для них. В латвийской группе Шапиро репетируют со своими учениками «Три сестры». В русской — режиссер из Екатеринбурга, в прошлом рижанин, А. Поздунин готовит к выпуску «Ярчскую труппу» Тенгера. Идет, как видно, возврат к классике после десятилетия сплывающей 80-х годов на течу, которую Шапиро определял как «молодежь и тоталитаризм» — молодежь тоталитарных эпох Гитлера, Сталина, Мао Цзюна.

Нельзя тиснуть в Ригу, в театр Шапиро, критики в люди театра, молодые режиссеры, инструкторы, которые выбрали его ареной для АССИТЕЖ (международной ассоциации детских театров) не за одно обаяние, но за дело — театр, стоящий за акт, политическое воплощение его идей. Раньше о нем популяризации того или иного театра можно было спорить, потому что приносимые театром послышались на гастроли в Общества зачастую по указке сверху, независимо от их достижений, от спора на них. Теперь не то — хозяева приглашают гостей по собственному выбору, как пригласил Молодежный театр в Латвию для в Новомоске, из II Общества «Когда встречаются друзья», где он почтил пьесу за оригинальное и самообычное режиссерское решение и профессиональный уровень спектакля «Демократия» и «Датская история».

Курьезно, однако, что из «Латвийского вестника» в апреле этого года Молодежный театр ездил как представитель Латвии, хотя в это время уже готовился ит же театр был заповедный приказ — курьезно, впрочем.

Создается впечатление, что в Риге решила одним махом разрубить гордиев узел национальных и прочих проблем, истребить некий неизлечимый отщепенец, покартав за это и латвийской труппой, и своим собственную культуру.

Председателю ВС Латвийской Республики

Уважаемый господин Горбунов!

К Вам обращаюсь люди театра, обоснованные известиями о реорганизации, а на самом деле о закрытии Молодежного театра Латвии. По роду своих занятий Вы можете и не знать, что речь идет об уничтожении уникального творческого организма, который годами складывался под руководством замечательного режиссера Адольфа Шапиро. Уникальность театра в том, что он принадлежит как латвийской, так и русской культуре и, не побоясь этого слова, — мировому.

Молодежный театр никогда не ставил «идеологических правильных» пьес. Его репертуар всегда можно было только заповедовать: «Последний Герцог», «Иванов» Чехова, «Золотой вон» Райнса, «Чукоккала» по Чуковскому, «Пар Гюи» Ибсена, «Пир Гамбургский» Клейста, «Страх и отвращение третьей империи» Брехта. Мы называем только те спектакли, что получили всеобщее признание. Универсальный язык театра здесь объединял людей всех национальностей.

На протяжении трех десятилетий театр оставался свободным театром и гражданским театром. Он воспитывал свободных людей. И этот вклад высоко оценен мировым сообществом, избравшим Адольфа Шапиро президентом Международной ассоциации театров для детей и юношества (АССИТЕЖ). И даже теперь, в столь трудные для искусства времена, Молодежный театр удерживает высокий художественный уровень. Свидетельство тому такие спектакли, как «Изобретение Вальса» Набокова и «Демократия» Бродского.

Как мечтали москвичи и рижане партнеры о том, чтобы закрыть театр! Тем не менее не смогли. Не хватило духа. Неужели мы не сможем демократическому руководству судно осуществлено то, о чем коммунистические начальники только мечтали! Можно ли тогда говорить о демократичности без ущерба для какого смысла демократии!

Нужно ли объяснять, что разрушать — не строить. Закрытие театра не может быть признано способом решения глупо творческих проблем. В сфере культуры волюнтаризм, разрушительные акции особенно неоправданны.

И если сейчас в Латвии не находится никого, способного озвучить театр, то мы обращаемся к Вам как к институту высшей конституционной власти республики с просьбой отменить приказ от 14 апреля 1992 г. Министерства культуры, согласно которому на 21 июня назначена ликвидация театра. Решение этого вопроса не терпит отлагательств.

Когда Министерство культуры уничтожает культуру, то приходится с болью констатировать, что мы все еще не помнили пределы антикультуры Оркелла.

Если произойдет худшее, Молодежный театр пополнит собой список и почетный список: МХАТ Второй, латвийский театр «Снагуз» в Москве, театр имени Мейергольда, Камерный театр. Но никому не принесет почти места в компании гонимой культуры.

К тому же механизм репрессий — вещь не однородного пользования и однажды запущенный, остановится не скоро. Вопрос о том, кто будет следующий, и сожалению, не относится к числу риторических.

В том цивилизованном обществе, куда мы все так стремимся, права человека и права культуры неотделимы. Именно поэтому наше обращение не может быть интерпретировано как вмешательство во внутренние дела.

Х. Абрамш, А. Бертошевич, С. Барни, О. Басинашкин, М. Бешу, П. Броновей, Р. Бонис, В. Васильев, Г. Волчек, В. Гафт, А. Гельман, К. Гинкас, М. Глузский, Л. Дурев, Н. Еремичев, О. Ефремов, М. Затаров, Б. Зингерман, В. Иванова, А. Калгис, Н. Крымова, В. Левитас, К. Лавров, Г. Лордьянцис, Е. Мамсимова, В. Мансимова, В. Неанчич, М. Неелова, В. Петров, А. Петрович, И. Смоитунский, Б. Ступина, Р. Стурис, М. Ульманс, Л. Филатов, Г. Хазанов, Л. Хейфец, Т. Шах-Азизова, Г. Ямуская (всего 189 подписей).